МОЯ СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ

МАКС ДАЛИН

ДОЛГ СИЛЬНЕЕ СТРАХА

Мир Королей

Макс Далин

Моя Святая Земля

«Эксмо»
2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Далин М.

Моя Святая Земля / М. Далин — «Эксмо», 2026 — (Мир Королей)

ISBN 978-5-04-199222-4

Благой король вырос далеко от родины, но долг зовёт его вернуться домой — туда, где его никто не ждёт. Его родственники — предатели. Его Святая Земля превратилась в преддверье ада. Его единственный друг — проклят. Благой король не умеет владеть мечом, не умеет вести за собой войска — да у него и нет солдат. Все, что у него есть, — дар целителя, больная совесть и отчаянное желание вернуть святость Святой Земле… Но, возможно, этого достаточно? Третья книга цикла «Мир королей», который стартовал с культового тёмного фэнтези «Убить некроманта»! Самостоятельная история, действие которой разворачивается в том же мире, что история Тёмного Владыки Дольфа. Приключения, драма, авантюрное фэнтези и «стекло» под одной обложкой. Герои, которых невозможно не полюбить. Юный король, выросший в нашем мире и отправившийся спасать свою сказку; его боевой друг, некромант, проклятый с рождения; заносчивый, но верный дракон; ложный правитель, чья душа была продана тьме, и принцесса, сильная духом. Продолжение успешной серии New Adult — для читателей Young Adult, которые хотят более взрослых, серьёзных и мрачных историй. Иллюстрация на обложке от популярной художницы jwitless и стильный блок текста с серым обрезом.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199222-4

© Далин М., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Пролог 7
I 17
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Макс Далин
Моя Святая Земля

© М. Далин, текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Пролог

Королева тяжело опиралась на руку Гектора, задыхалась и всхлипывала. Когда Гектор набирался храбрости взглянуть ей в лицо, он видел лихорадочный блеск глаз, окружённых синевой, кровь на искусанных губах и восковую кожу в капельках слёз и пота. Нестерпимо смотреть, нестерпимо.

– Государыня, – пробормотал Гектор голосом, срывающимся от ужаса и жалости, – может, мне всё-таки донести вас? Я понимаю, что это звучит немыслимо… в ином случае я бы никогда не осмелился, но сейчас…

– Нет, нет, – выдохнула королева вместе с рыданием. – Я тебе благодарна, милый, но идти надо, мне надо идти. Повитуха говорила, что мне надо ходить… – И, запнувшись, ткнулась мокрым лицом в руку Гектора выше локтя. – И до храма мне дойти надо, самой дойти… я всё помню…

Гектор, смущаясь и смертельно боясь причинить ей боль, обхватил королеву за талию, стараясь хоть как-то облегчить кошмар этого пути. Проклятый крысиный лаз, проклятая жизнь – и страшное слово едва не сорвалось не с губ, но с мысли. Господи, ну почему? Почему бы Тебе, Господи, не узреть её прямо сейчас? Дай нам лишних десять минут, неужели Тебе вправду всё равно, кто злодей, а кто святой?!

Чадное рыжее пламя метнулось на сквозняке. В затхлый сыроватый душок подземелья потянуло струйкой воска и ладана, тёплой, доброй, как протянутая рука. Они оба приободрились, Гектор улыбнулся, сказал так нежно, как смог:

– Вот и храм, государыня. Ещё несколько шагов – и дверь. Ключ у меня.

Королева чуть замедлила шаги, цепляясь ледяными пальцами за его горячее под рубахой плечо. Тяжёлая дверь – мощные дубовые доски, окованные сталью – выплыла из подземного мрака, и святой символ, Око Господне над мистической Розой, зазолотился на ней в неверном факельном свете.

К двери вёл десяток некрутых ступеней. Последняя пытка.

– Слава Богу, – от облегчения вырвалось у Гектора.

Королева остановилась на верхней ступеньке, пытаясь отдышаться. И тут на разум Гектора обрушилась, как тяжёлая палица – оглушив, – мысль, очевидная до последних пределов, и притом совершенно неожиданная.

– Государыня, – голос его задрожал, – вы должны были взять даму. Саломею должны были взять или Лаванду. А лучше – вашу повитуху. Я не могу…

Она подняла голову. Он поразился, насколько непреклонно и сурово выражение её глаз, таких синих и таких обычно кротких.

– Отпирай, – приказала она спокойно и ласково, наконец справившись с одышкой и приступами боли. – Пожалуйста, не стой. Отпирай. Когда они привезли его тело, Саломея сказала: «Ну вот и славно», а Лаванда улыбнулась. Я видела их лица. Они убили бы ребёнка. У меня на глазах убили бы – за будущие почести. А повитуха – тётка Лаванды. Я не могу никому довериться. Только тебе. Прости.

«О нет!» – заорал Гектор про себя, еле попадая ключом в замочную скважину. Дверь распахнулась.

Розовый закатный свет заливал храм через стрельчатые окна. Небеса полыхали пожаром, небеса все были в золоте и королевском пурпуре, и в этом свете померкла храмовая позолота. Свечи не горели; на образ Божий падала густая тень, только Его очи и златозвёздный венец еле заметно мерцали из темноты.

Королева отпустила плечо Гектора и пошла к образу, поддерживая тонкими руками огромный живот в охапке мокрых запылившихся юбок. Сделала несколько неверных шагов и упала на колени.

– Господи, видишь ли?! – Её голос, всегда тихий и нежный, вдруг наполнил собой весь храм, как орган. – Господи, на тебя уповаю, нет у меня сил… и времени… и кругом измена и зло, оттого прошу – воззри сейчас, обрати взор свой на плод чрева моего… на нашего короля…

Слова оборвались диким воплем, резанувшим Гектору душу. Он бросился на помощь сквозь собственный неизбывный ужас – к своей госпоже, к своей святой, к своему сюзерену, на которого никогда не смел взглянуть как на женщину. Немыслимо было сознавать, что именно она, недосягаемо высокая дама, корчилась на каменных плитах беспомощно и бесстыдно, как любая бедная девка, которой пришёл срок… а он, мужчина, дурак, невежда, знающий всё о боевых ранах, не мог даже представить себе, что делать с *такой* болью, и его сердце разрывалось от её криков…

Но тут пришло наитие. Тёмный образ Господа вдруг начал наливаться светом. Гектор, занятый отчаянной работой, более ужасной, чем штурм крепостной стены под шквальным огнём, не видел, как контуры Его фигуры медленно выступили из тьмы, становясь всё чётче и ярче, как озарился Его лик, неземной, бесстрастный и всепроницающий. Только когда крик ребёнка присоединился к стонам матери, Гектор осознал, что храм, в котором не горит ни одна свеча, уже просвечен насквозь, а лик Господа светится золотым солнечным огнём.

Так было явлено чудо, которое именно в этом храме, вот уже пятьсот лет как усыпальнице королевского рода, в месте венчания особ королевского рода и коронации государей, являлось каждый раз, когда происходило одно из упомянутых событий. Господь, созерцающий землю с небес через свой образ, нерукотворно явившийся пятьсот лет назад на храмовой стене, остановил свой взор на новом государе, отметив его.

А Гектор омыл крохотное тельце в беломраморной чаше со святой водой, завернул в свой плащ и протянул королеве, преклонив колени.

– Государыня, – сказал он, – Господь видит наши упования. Это мальчик.

Королева улыбнулась тенью улыбки, прижав дитя к себе изо всех своих жалких сил.

– Эральд, – прошептала она почти беззвучно. – Запомните же, Эральд, как Господь узрел вас. Будьте достойны своих предков и вашего прекрасного отца, государя Эральда, которого убил его родной брат. У вас нет братьев и сестёр, мой господин. И вы сирота. Но вы – король.

Младенец молчал. Его круглые глаза, синие, как у матери, отражали свет зари. Гектор помог королеве приподняться.

– Почему же сирота, государыня? – спросил он. – Вы сумеете, вы вырастите его, как подобает…

– Нет, – сказала королева тихо. – Мы выиграли не больше часа. Они вот-вот догадаются обо всём и появятся здесь. Ты сейчас возьмёшь своего юного государя и уйдёшь. Ты спрячешь его – даже мне не говори, куда. Ты его вырастишь. Больше мне не на кого надеяться.

Гектор отшатнулся.

– Государыня! – с трудом выговорил он. – Как вы можете говорить такое?! Неужели вы думаете, что я оставлю вас здесь на растерзание этим упырям? Я этого не сделаю!

– Сделаешь, – сказала королева негромко, но со спокойной страстной силой, какую трудно было заподозрить в её измученном теле. – Мне больше не на кого рассчитывать, пойми это. Бриан запугал всех, кого не смог купить. Только ты верен и не знаешь страха. Со мной ты не уйдёшь далеко: я повисну каторжной цепью у тебя на ногах, поэтому ты оставишь меня здесь. Я уже сделала всё, что могла, исполнила свой долг, а твой долг – спасти короля.

Вот в этот-то момент Гектор и понял с беспощадной ясностью, что королева уже приняла решение. Она решилась раньше, чем Гектор помог ей войти в храм, раньше, чем родила, и

сейчас принимает собственную смерть с тем же мужеством, с каким принимает её боец, готовый ради победы взорвать подкоп.

Гектор смотрел в её прекрасные глаза и думал, что видит королеву в последний раз. Они оба принадлежат долгу и государю, только что появившемуся на свет. Они оба должны защищать короля.

И если ценой жизни – то рок так сулил.

– Гектор, – тихо сказала королева. – Ты любишь меня?

У него не хватило слов. Любит ли он… Когда его государь, друг его детства, его господин, лучший из всех, привёз из-за моря эту тоненькую синеглазую женщину с тяжёлыми бледно-золотыми косами, Гектор стал её паладином и поклялся жить ради неё, как ради своего короля. Гектор не женился, чтобы не нарушать идеальной верности своей святой госпоже. И – он готов на любую жертву ради неё.

Даже на такую. Его сердце разрывалось, но он был готов.

– Ради любви ко мне, – сказала королева нежно, – ради памяти моего супруга, который был тебе товарищем… спаси моё дитя. Я тебя… прошу.

Гектор склонился к самому полу и поцеловал грязный и окровавленный подол её платья – королева, в первый и последний раз в жизни и в вечности, коснулась искусанными в кровь губами его потного лба.

Гектора захлестнуло ощущение горького счастья.

Королева просила, когда могла бы и приказать. Они оба были бойцами на одном ратном поле, на равных правах. Больше, чем всё, о чём Гектор мог мечтать.

– Не медли больше, – сказала королева, поцеловала младенца и протянула Гектору, как могла бы протянуть собственное вырванное сердце. – Уходи.

Гектор обнял ребёнка, ощутив сквозь ткань плаща живое тепло, и вышел, не в силах оглянуться на тёмную фигурку, лежащую на полированном камне в золотом неземном свете…

* * *

Свита принца Бриана появилась в храме спустя четверть часа.

Сам Бриан, молодой статный красавец с роскошной вороной гривой, рассыпавшейся по плечам, в алом бархате, вышитом гербами королевского дома Святой Земли – Сердца Мира и Святой Розы, – оглядывался по сторонам, щурясь и раздувая ноздри, как волк на ловле. Храм был тёмен и пуст. Заря догорала; от окон протянулись полосы бледного света, бессильные рассеять густой сумрак. Все храмовые наставники по личному приказу Варфоломея, духовника Бриана, служили благодарственный молебен не в этом храме, а в дворцовой часовне. Так кто же мог отпереть эти двери?!

Она, она! Она, набожная курица, бегала по древнему подземному ходу сюда молиться по ночам, в сопровождении хорошенькой Саломеи, двуличной змейки, прекрасной в постели, и пса-Гектора, цепного волкодава её муженька, милого братца. Она бегала сюда, чуть что – она снова прибежала сюда, надо было давно понять.

Надеется, что её защитит древняя картина на штукатурке.

Повинуясь жесту Бриана, его люди принялись зажигать свечи. Хольм вдруг вскрикнул и выронил факел:

– Ваше высочество, в святой воде – кровь!

К нему бросились остальные. Лица сделались мертвенно-белыми в одну секунду. Бриан усмехнулся:

– И это, по-вашему, что-то вроде знамения? Трусы, дурачьё! Осветите все углы, мы на правильном пути.

Он не ошибся. Обшаривая храм, его люди вскоре наткнулись на женщину, забившуюся в тесную нишу рядом с изваянием Божьего вестника. Бриан подошёл взглянуть на неё.

Первая красавица трёх королевств… Причёска развалилась, из неё выбиваются космы, торчат шпильки. Лицо как у чахоточной побирушки, от драгоценного туалета остались грязные окровавленные тряпки, корсаж висит на ней мешком… это почему бы?!

Кровь хлынула к лицу Бриана. Он обозначил улыбку, блеснув острой белизной зубов:

– Как опрометчиво было подвергать опасности вашу бесценную жизнь, дорогая сестра. Ваша свита сбилась с ног, все вне себя от тревоги. Что вы делаете здесь, любезная моя Амалия?

Подняла глаза – всепонимающие, как у недобитого оленя.

– Я обезумела от скорби, ваше высочество. Я слаба, я всего боюсь. Я не осознавала, что делаю… может, Господь вёл меня…

«Ваше высочество», не «братец». Догадалась, сообразила, пёс-Гектор уцелел и успел ей набрехать – притворяется дурочкой, умная сука. Издевается кротким тоном. Ну ладно.

– Дорогая сестрица, вы ведь рисковали не только собой, вы рисковали и драгоценным младенцем, который должен стать нашим королём… неужели вы рожали здесь, в этом месте, столь неприспособленном для столь интимных и опасных дел? Одна, без ваших дам, без повитухи? Как же вы могли…

Вздохнула, провела рукой по лбу.

– Я не помню, ваше высочество, ничего не помню… у меня горячка… мне больно. Дайте мне глоточек воды, у меня всё горит внутри…

Лживая сука.

Нагнулся, поднял её с пола, встряхнул, – её лицо исказилось от боли, – прижал спиной к крылу изваяния.

– Амалия, где ваш ребёнок? Я ничего не имею против вас, я всегда вас любил, но то, что вы делаете, непростительно. Вы осознали, что ваше дитя – король или королева?! Куда вы его дели?

– Я пить хочу, ваше высочество… позовите священника…

Встряхнул снова, стукнул спиной о мраморные перья.

– Где твой ребёнок, Амалия? Скажи – и напьёшься, и отдохнёшь. Ну!

С трудом подняла голову, в глазах – кроткое и неодолимое упорство.

– Я не помню, ваше высочество… кто-то унёс… монашек в капюшоне… или женщина… я не помню… у меня горячка, прошу вас, дайте мне воды…

Невозможно дальше говорить из-под маски.

– Амалия, ты мне это скажешь, или я выбью это из тебя. Это государственное дело, забота о престолонаследии для меня важнее, чем родственные чувства… Куда ты дела ребёнка, сумасшедшая наседка?!

Улыбнулась. Они с братцем – два сапога пара, королевская, будь она неладна, гордость. Ну, им недолго тосковать по разные стороны небес.

– Я не могу вам это сказать, ваше высочество, ибо не знаю. Я отдала ребёнка первому встречному, не спросив его имени. Он зашёл сюда просить Божьей милости – и Бог вразумил его быть милостивым ко мне. Мне тяжело стоять, ваше высочество, и очень хочется пить. У меня горячка…

– Я его найду, Амалия.

– Ищи. Господь милосерд… Господа, рыцари, есть ли здесь хоть одна честная душа, которая даст женщине воды?!

Пока смотрела на его свиту, вытащил кинжал, воткнул между планками корсета, поддерживающего грудь. Не вскрикнула и не успела закрыть глаза.

Дурни ахнули. Болван Хольм вскричал:

– В храме, ваше высочество! Перед ликом Господним! Женщину, королеву!

Положил тело на пол. Вытер лезвие её замызганной юбкой.

– В чём дело, трусы? Она умерла от родов. Ребёнок тоже умер. Так и сообщите всем. Государь Эральд разбился, упав с коня на охоте, а у государыни от скорби приключились преждевременные роды. Достаньте мёртвого младенца, пусть его покажут толпе. И ад с ним, с настоящим. Все младенцы – на одно лицо. Никакая сволочь не сможет доказать, что у неё живёт сынок или дочка Эральда. Нечем.

Этот щенок, сын Миноса, подал голос:

– А если тут и вправду случилось чудо, ваше высочество? И младенец…

Рассмеялся.

– Что вы об этом знаете?! Я из королевской семьи, я знаю, как устраивают такие чудеса. Всё это ложь и политика, в это верит толпа… Я знаю, быдло не признает меня истинным королём, ибо надо мной не совершали этот дурацкий обряд во младенчестве, но моя жена вот-вот родит. И мой сын – а она ждёт сына, по верным приметам – будет королём по древнему кодексу. И будет свет, восторг и благорастворение воздухов, всё, как и полагается в Святой Земле.

– А дар целительства? – заикнулся Хольм. – И всё прочее в этом роде?

Захохотал.

– Будет и дар. Такой, какого ещё никто не видывал. Толпе нужны чудеса – она их получит. Любящие и благоговеющие никаких денег не жалеют. Вы выбрали правильную дорогу, мои ягнятки, вы не просчитались. Время тирании кончилось – и тирании церкви в том числе. Будет свобода, размах и возможности для всех стоящих людей королевства. Разве это не та идея, которая стоит пары жалких человеческих жизней?

Свита несмело заулыбалась в ответ. Мёртвая королева смотрела на них с пола, и кто-то бросил на её тело свой плащ. И она больше не видела победителей.

А Бриан смотрел на мёртвую под плащом и думал, что ребёнка всё-таки надо бы отыскать. На всякий случай. Потому что сестричка удружила, родив в храме.

Смех смехом, а ведь бывало… Не надо, чтобы лет через пятнадцать к моему сыну явился этот… как бес к монаху. Ну или как монах к бесу! А если вдруг Господь и впрямь его сохранит?

Хранил же братца на войне, хранил же от яда…

Нет, надо действовать наверняка. Те… помогли один раз – помогут и другой, и третий. Урода с его Даром достаточно, чтобы все силы ада были на моей стороне, подумал Бриан и улыбнулся. Людям не нужно об этом знать. Пусть это будет между нами: Господь, ад, я – и достаточно.

* * *

Гектор гнал коня по лесной дороге. Младенец шевелился под плащом. Может, государю было неудобно, или грубая ткань раздражала его нежное тельце, или он был голоден – Гектор не знал. Он не умел обращаться с младенцами. Его долг заключался в том, чтобы защищать; он предполагал, что найдёт и будет защищать того, кто позаботится о государе. Нужна кормилица, очевидно. Какая-нибудь добрая баба, у которой своих – мал мала меньше. Такая милая, толстая, тёплая баба, от которой пахнет молоком и луковым супом. И когда-нибудь юный государь подарит земли ей и её мужу, а её малышню сделает своими рыцарями – за то, что она поможет ему подрасти.

А до той поры Гектор будет защищать эту бабу, как священный сосуд. Лишь бы её грудь утолила голод государя. Добраться до какой-нибудь деревни…

Смертная скорбь отступила. Скорбеть было некогда, как некогда бывало скорбеть в бою.

Между тем быстро темнело. Золотой закатный свет угас за деревьями, небеса наливались густой синевой, и бледный серпик молодого месяца зазолотился над дорогой. И вдруг холодный ужас тоненькой струйкой, вёрткой змейкой скользнул вдоль спины Гектора – и впился в душу.

Удар страха – неизвестно откуда, непонятно перед чем – был так необычен, что Гектор удивился. Он придержал коня, осмотрелся и прислушался. Никаких подозрительных звуков не слышалось в мерном ночном гуле, ничего, что выдавало бы погоню или засаду. Лишь чуть слышно шелестела под слабым ветром листва да гулко ударялись в утоптанную глину дороги копыта Гекторова коня.

Но страх не ушёл – усилился. И понимание шепнуло голосом наставника Хуга, королевского духовника: «Ад идёт за тобой, барон».

Холодный пот остудил пылающий лоб.

Гектор не боялся никого на земле. Но те, кто под землёй, были неуязвимы ни для меча, ни для пули, ни для кулаков. Они могли подкрасться незаметно, как тоска, украсть дитя, задушить во сне – и солдат, простак, обычный смертный, ничем не сможет им помешать.

Лишь Хуг сможет, подумал Гектор и решительно свернул на развилке в сторону монастыря Святого Луцилия. Хуг всё сможет. Хуг – святой. Монастырские стены скроют государя от адских тварей, а добрые монахи найдут кормилицу. Хугу можно доверять. Если кому-то в этом мире и можно доверять, так только Хугу: мирская тщета не имеет власти над его душой.

Усталый конь всхрапнул и рванулся вперёд.

К рассвету буду там, подумал Гектор – и тут же осознал, что до рассвета ещё целая ночь. Придётся пробиваться сквозь её мрак, как сквозь неприятельский кордон. Божье Око согрелось на груди. Государь спал, жёг сердце Гектора спокойным дыханием.

А тьма за деревьями тоже дышала. Она дышала и шевелилась, сбиваясь в живые комья. И конь, которого Гектор не понукал, летел стрелой, как летят лошади, почуяв волков – спасая не жизнь всадника, а свою жизнь. Конь чуял адских тварей, которые шли по следу Гектора… нет, по следу государя.

Плевать им было на Гектора.

Гектор был им только помехой. С кем там снюхался принц Бриан, предатель, братоубийца? Что гадине терять? Он уже погубил свою душу – убил своего сюзерена, своего брата. Он – душа Гектора знала – убил Амалию. Не мог он оставить в живых вдовствующую королеву: Амалия не стала бы молчать.

Она же не отдала государя. И ничего не простила бы. А женщина, насилием и подлостью лишённая мужа и сына, опаснее адского огня.

Побоялся бы оставить государыню в живых. Гектор сознаёт разумом, чует сердцем. И нет времени отомстить. Есть её последний приказ – выполнить и умереть. Но выполнить бы, прежде чем умереть.

Гонялся Бриан за короной всю жизнь. Как капрал на войне, мечтал: вот убьют ротмистра, убьют капитана, убьют майора… всех прочих убьют – и я стану маршалом… Гордыня Бриана точила, как червь. Больше – гордыня и зависть, чем жажда власти даже. Не выдержал в конце концов – продал себя аду за корону, решил помочь судьбе.

Гореть Бриану в аду.

Но государю это ничем не поможет. И Гектору не поможет, потому что ещё не скоро Бриан отправится в ад. А пока он ходит по земле, Те, что под землёй, будут служить ему, облизываясь на пропащую душу.

Замаячила впереди крохотная часовенка, что выстроили монахи над придорожным родничком, блеснуло в лунном свете Божье Око на золотой игле. Безумная надежда овладела Гектором.

Он врезал шпоры в бока коню, торопясь. Конец коню. Но, может, удастся спасти государя.

Сгустившийся мрак шептал за спиной, следил лицами без глаз, тянул бесплотные руки. Пока.

Поднимется месяц, пробьют полночь часы на ратуше против дворца – будут у тьмы и руки, и глаза. И плоть. И голодные пасти. Четверть часа. Ещё четверть часа. Ничего уже не успеть.

На исходе своей жизни Гектор спрыгнул с коня у часовенки. И увидал, что резные дверцы её заперты на замок. Какой нечистой силой, чьими грязными происками?! Ломать дверь – осквернить святое место – совершить грех – лишить себя защиты. Кто мог это предусмотреть?!

Гектор, одной рукой прижимая государя к груди, другой вцепился в решётку, дёрнул.

Бесполезно.

Мрак полз со всех сторон, шепча и хихикая. Заалтарный образ Вседержителя слабо поблёскивал в сумраке часовни за ажурной решёткой. И Гектор взмолился, истово, ещё жарче, чем там, в подземелье, где прекрасная государыня Амалия держалась за его руку из последних сил.

«Неужели ад сильнее Тебя?! – крикнул он молча. – Не может такого быть! Ты же создал мир, а ад не может ничего создать!»

И Творец молчал, и небеса были пусты, и мёртвая жизнь наполняла лес, и тени, как змеи, подползали всё ближе.

– Бес со мной! – крикнул Гектор вслух, тряся решётку. Государь проснулся и всхлипнул. – Пусть я сдохну! Но спаси этого ребёнка! Ты же видел этого ребёнка! Это же Твой ребёнок! Ну пожалуйста!

Дикий хохот прокатился по лесу. Гектор выпустил резные чугунные лепестки решётки и обернулся. Лес наполнился парными жёлтыми огнями – и они приближались. Всё было бесполезно.

Гектор вздохнул, и измученное прекрасное лицо государыни Амалии встало перед его внутренним взором. Прости меня, моя королева, подумал он и осторожно положил государя на порог часовни. Свернул плащ, чтобы младенцу было помягче. Прости меня, подумал он и обнажил меч. Я простой солдат. Всё, что я могу сделать для государя – это умереть за него.

Далёкие часы пробили первый раз.

Дорожная тень оторвалась от дорожной пыли – мерзкая тварь из мрака и комков земли, с яростным адским пламенем в мёртвых глазах и разверстой пасти – и прыгнула на Гектора, как рысь. Конь Гектора дико заржал и унёсся в глухую тьму. Гектор встретил тварь мечом – и катышки глины разлетелись в стороны.

Вы уязвимы, подумал Гектор, ощутив злобную радость боя. Вы уязвимы, нежить.

Его меч рассёк пополам чудовищного нетопыря с оскаленным человечьим черепом вместо головы и адским огнём в глазницах – клочья чёрной ткани упали на землю. Гектор рубанул по тощим хребтам адских псов – одного, другого – но тут лавина мрака, ощерясь огненными пастями, хлынула на него, сбила с ног и погребла под собой, терзая в клочья.

Не велика и преграда для адских сил – простой солдат. Но за его спиной, на пороге часовни, вдруг вспыхнуло крохотное солнце, сразу рассеяв тени. И крохотное тельце государя растворилось в этом очищающем свете, исчезнув из мира.

* * *

Бриан досадовал, что не приказал вычистить подвал. Сюда уже лет пятнадцать никто не спускался; пыли накопилось на три пальца, разило кошачьей мочой, крысами, гнилью, плесенью… факел в сырой темноте еле коптил.

– Надо бы больше света, ваше высочество, – сказал урод, стоящий на карачках посреди тускло освещённого факелом пространства. – Темно очень.

– А что, разве темнота – не подмога в твоём ремесле? – спросил Бриан, скрывая гадливость усмешкой. «Ваше высочество»! Ишь ты, мразь…

Урод поднял голову. Бриану померещились красные отблески в близко посаженных тёмных глазах. Чёрный и мохнатый нарост, похожий на паука, закрывал половину правой щеки урода; длинная чёлка, которой тот пытался прикрыть поганое клеймо, сейчас была зачёсана назад и привязана шнурком. Безобразие выставили напоказ. Бриана передёргивало всякий раз, как он смотрел на урода.

– Магия начертаний – тонкая работа, ваше высочество, – сказал между тем некромант. – Опасно соединить линии не до конца. Вырвется гад-то. А принц для него вкуснее такого ничтожества, как я.

Что-то такое было в голосе урода… глумливый смешок, тень презрения. От этого тона жар стыда и ярости окатывал Бриана волной. Стыдно нуждаться в услугах грязной твари, не просто плебея, а – изгоя, отребья, ниже чего уже и опуститься нельзя. И эта ничтожная тварь ещё смеет презирать и глумиться…

И принцу-регенту придётся терпеть. Молчать и терпеть, пока всё не будет закончено.

Бриан взглянул на Оливию, спящую на двух составленных креслах. В слабом факельном свете её лицо казалось восковым.

– Эй, – окликнул Бриан урода, который рассматривал линии на полу, чуть ли не дотрагиваясь до них длинным горбатым носом. – Твоё зелье не повредит моим жене и ребёнку? Это точно?

Урод снова оглянулся.

– Вы бы не мешали мне, ваше высочество, – сказал он с той же глумливой ноткой. – О вашей безопасности пекусь. А вашей супруге после обряда ничего не будет грозить до самых, простите, родов. А младенцу – и подавно, – и не сдержал смешок. – О нём посильнее меня позаботятся.

– Зачем вообще было её усыплять? – спросил Бриан, сдерживая вскипающую злость.

– А чтоб осталась в своём уме, – ответил урод и ухмыльнулся.

Бриан отчётливо представил, как бьёт по этой кривляющейся роже мечом. Наотмашь. Чтобы мозги разлетелись, с кровью.

– Шевелись живее, – процедил он, беря себя в руки.

Некромант провёл ещё пару линий, то наклоняясь к самому полу, то откидываясь назад, словно художник, оценивающий своё творение, встал и принялся отряхивать штаны на коленях.

– Готовы, ваше высочество? – спросил он, когда решил, что его поганые штаны достаточно отчищены от пыли.

– Давно уже, – сказал Бриан глухо.

Урод вытащил откуда-то – не из рукава ли – крохотное лезвие, блеснувшее в мутном сумраке не стальным, а стеклянным блеском, и, не торопясь, разрезал собственную левую ладонь. Тёмная кровь закапала на линии чертежа, а некромант просыпал скороговоркой какие-то варварски звучащие слова – коротко.

Линии, начерченные углем на каменных плитах, налились тёмным огнём. Волна ужаса окатила Бриана с головы до ног, но он заставил себя стоять спокойно и смотреть, как середина вычерченной в круге многоугольной звезды затлела разгорающимся костром – и вспыхнула ослепительным светом раскалённого железа. Из этой лавы, из расплавленного, как показалось Бриану, камня подземелья, вверх медленно поднялась безобразная голова, рогатая, светящаяся так, будто её раскалили в тигле. Капли жидкого огня стекали по ней и падали в алое свечение.

Урод сделал предостерегающий знак рукой. Голова, торчащая из жидкого огня, как из воды, сама огненная, подняла взгляд, раскрыла пасть с несколькими рядами длинных мерцающих клыков и заговорила.

Бриан не мог понять ни слова. Это были не слова человеческой речи; принцу-регенту померещился шелест змеиной чешуи по шероховатому камню, свист ветра в кронах… Глаза,

светящиеся расплавленным золотом, вперились в лицо Бриана, и тот почувствовал, как ужас переполняет его, делается нестерпимым, словно боль…

Бриан не помнил, как закончился этот лучезарный кошмар. Память сохранила лишь немыслимо длинную когтистую длань из перетекающего пламени, которая протянулась к Оливии и погладила воздух над её животом – лицо принцессы ужасно исказилось, но она не проснулась. А потом всё вдруг пропало.

Мрак, больше не рассеиваемый ничем, кроме тусклого факела, показался почти полным. Бриан моргал, приучая глаза к внезапной темноте, когда некромант сказал:

– Я, ваше высочество, закончил. Теперь вам бы закончить да отдать то, что вы пообещали за работу.

«Я пообещал? Закончить?» – удивлённо подумал Бриан, но вслух сказал:

– Я ничего не понял.

Урод выпрямился, глядя Бриану в лицо. Красный отсвет в его глазах не был отражением факела в глубине зрачков – глаза некроманта горели адским огнём.

– Вы велели сделать так, чтобы ваш сынок сошёл за истинного государя. И сказали: «Хоть душу его отдай». Я отдал его душу. Те Самые всё устроят. Тем более что храм-то вы, ваше высочество, всё равно осквернили, кровушкой-то… Так что будет королевское чудо. Всё будет. Все поверят. Только…

– Что – «только»? – перебил Бриан, сжимая кулаки.

– Что? А ничего, – некромант ухмыльнулся. – Сами должны понимать. Предали. Убили. Замарали. Сынка… отдали. Запла́тите.

– Сколько? – спросил Бриан, невольно тоже ухмыляясь. – И кому?

Золото короны Святой Земли принадлежало ему. Но было смешно, что бесы могут потребовать платы, как простые смертные. Золотишко любят все, подумал принц с нервным смешком.

– Кому? Тем Самым. Сколько? Сколько спросят, столько и отдадите. Не моё это дело. Я и так…

– Ты меня не интересуешь, – снова оборвал его Бриан. – Где король?

– Не беспокойтесь, ваше высочество, – в голосе некроманта снова появилась глумливая нотка. – Нет его. Совсем нет. Вестники Божьи живьём забрали из мира, безгрешный младенчик-то…

– А Гектор?

– Волки загрызли. Всё чисто.

– Хорошо, – сказал Бриан тихо. Он ждал облегчения, но легче не становилось.

– А раз хорошо, – урод протянул Бриану руку с отвратительной ладонью, громадной, как лопата, и напоминающей крабью клешню, – извольте мне заплатить да отпустить, ваше высочество.

Бриан усмехнулся.

– Заплатить?

Некромант, видно, что-то смекнул.

– Половину можете, ваше высочество. Вы же сами-то… Не без того… Тем Самым не чужой человек…

– Что ты сказал, падаль? – удивился Бриан.

Некромант осёкся.

– Пойду я, пожалуй, – сказал он, снизив тон. – Извольте отпустить на волю. Обещали, ваше высочество. Я ж того… и свою душу сгубил вместе с…

На волю, говоришь?

– Иди, – сказал Бриан. – Иди, так и быть. Стража предупреждена. Вон туда – и прямо на задний двор. Иди, нечистый с тобой…

Урод низко поклонился, попятился, будто боясь отвернуться от Бриана, но в конце концов отвернулся и пошёл к выходу из подвала – туда, откуда тянуло живым сквознячком.

Бриан брезгливо усмехнулся и обнажил меч – стремительно и бесшумно, как полагается привычному бойцу.

Некромант ещё успел обернуться на звук шагов, но его голова раскололась в брызгах крови и мозга – именно так, как представлялось Бриану. Тело нелепо взмахнуло руками и грохнулось на пол.

– Ну вот, – сказал Бриан почти весело. – Я тебе больше ничего не должен. И твоим адским холуям – тоже. И вряд ли ты кого-нибудь посвятишь в суть дела.

Он вытер клинок об одежду урода, вернул меч в ножны и поднял жену с кресел. Она пошевелилась, но не проснулась. Бриан донёс её до потайной двери и ударил по притолоке ногой.

Дверь немедленно распахнули снаружи. Шепфорд, дядька принца-регента, протянул руки, чтобы помочь своему сюзерену, но Бриан отрицательно мотнул головой.

– Там этот… – и сморщил нос. – Прикажи нашим людям где-нибудь закопать эту падаль. И – чтобы я никогда не слышал о нём ничего.

Шепфорд кивнул.

Ночной ветер остудил горящие щёки Бриана и привёл в чувство его жену. Она улыбнулась и сделала движение, чтобы освободиться:

– Поставьте меня на землю, дорогой. Я уже не невеста, чтобы вы носили меня на руках.

Бриан улыбнулся в ответ и хотел выполнить её просьбу, но как только ноги принцессы коснулись земли, судорога вдруг скрутила её тело в кольцо. Она схватилась за живот, согнулась и застонала сквозь зубы.

– Все сюда! – крикнул Бриан, подхватывая Оливию, в страхе, в волнении, в предчувствии. – Повитуху, лекаря!

Во дворе Малого Замка Бриана тут же поднялась та суматоха, какая обычно случается, когда жене принца приходит срок…

I

Заплачено за один шаг…

Это было – как шагнуть в темноте на невидимую ступеньку. Сэдрик еле удержался на ногах, задохнулся – и долго пытался вдохнуть полной грудью чужой воздух.

Не получалось. Чужой воздух не входил в лёгкие до конца, что-то внутри сопротивлялось, не пускало этот запах. Непонятно, приятный или противный, но в запахе было что-то неестественное. Сэдрика затошнило, а голова у него и так кружилась.

Всё вокруг было до такой степени чуждо, что просто отказывалось вмещаться в разум. Сэдрик пытался понять, что он видит – и сам себе казался сумасшедшим. Дар, впрочем, мирно тлел на дне души – прямой опасности не было.

Чужая ночь жила вокруг, но было очень светло. Прямо над головой Сэдрика, высоко вверху, на железном столбе, горел ослепительный фонарь. Он горел так ярко, что у Сэдрика заломило глаза от пристального взгляда на этот чародейский, нелюдской, жаркий свет.

Но даже не свет был поразителен, а то, что длиннейший ряд фонарей уходил вдаль – вправо от Сэдрика, влево от Сэдрика, и высоченные железные столбы на высоте двух человеческих ростов связывали друг с другом бесконечные нити. Зачем?

Множество этих нитей или верёвок перечёркивали чужое мутное небо. Пространство над землёй было затянуто ими, как паутиной. Пространство это было огорожено с двух сторон двумя могучими стенами, немыслимо высокими, выше храма, выше ратуши, немыслимо длинными – и в каждой стене светились странным светом десятки окон, а ещё сотни, рядами, были темны, будто за ними задули огонь. Что это? Дома?

Сэдрик стоял на широкой дороге, гладкой, как пол, каменно твёрдой. Он смотрел на неё и не мог понять, чем она вымощена. Не каменные плиты, нет: никаких щелей от стыков. Одна немыслимо огромная, невероятно длинная каменная плита, ограниченная с двух сторон невысоким бордюром. Сэдрик присел на корточки, потрогал дорогу, взглянул на собственные грязные пальцы.

Внезапно до слуха Сэдрика донёсся странный звук, прорезавший смутный ночной гул. Что-то приближающееся, что-то шелестящее, подвывающее, стонущее… Сэдрик напрягся, пытаясь понять, на что похож звук и что он может означать, но не понял: ему не случалось слышать раньше ничего подобного.

А то, воющее, приближалось с удивительной скоростью. Вой превращался в завывание и рёв; Сэдрик шарахнулся с дороги в сторону, глядя в желтовато-бурую мглу здешней ночи – и вдруг увидел два горящих глаза на громадной тёмной туше, стремительно летящей к нему.

Сэдрик замер, прижавшись спиной к холодному столбу. Он даже представить себе не мог, что возможен такой зверь. В том, что приближалось, чувствовалась неживая сметающая сила – и оно было огромным, просто огромным. Сэдрик внутренне сжался, заставляя себя смотреть, – и тварь пронеслась мимо. От неё несло тем самым удушливым смрадом, следы которого так надолго оставались в воздухе, – смрадом, из-за которого дышать было тяжело.

Красные огни на вздыбленном заду мелькнули и пропали за поворотом.

Не зверь. Не живое. Не мёртвое или поднятое. Механическое. Дару оно было безразлично, его носителю – безопасно. Сэдрик успел заметить бешено вращающиеся колёса, а над ними – стеклянные оконца, к которым вела стальная ступенька. Дальше, за этой, условно говоря, башенкой, в которой мелькнул силуэт человека, на платформе из тёмного металла крепился обычный фургон из размалёванной грубой ткани. Что двигало повозку, Сэдрик не понял. Чары?

И только сейчас глаза Сэдрика увидели похожие повозки, стоящие у обочины дороги. Покрытые изморозью, они только что казались ему чем-то другим – то ли заиндевевшими

валунами, то ли просто грязными сугробами. До этого момента глаза отказывались видеть настолько чуждые явления – а разум не спешил их осмысливать.

Сэдрик подошёл ближе и некоторое время рассматривал одну из повозок, намного меньшего размера. Сквозь стёкла виднелись удобные кресла, колесо, укреплённое плашмя, светящиеся полоски на тёмной гладкой доске… За передним стеклом на кручёном шнурке висела игрушка – весёлая зверушка, сшитая из пуговиц и лоскутков. Такая простая вещица в таком удивительном месте… Сэдрик попытался совместить в сознании ребёнка, играющего тряпичным зверьком, и самодвижущуюся повозку, летящую с безумной скоростью. Нет, подумал он, это не опасно. Это тут всем привычно. Даже малым детям.

Это просто город. Дома. Фонари. Повозки. Город как город. Надо взять себя в руки и искать.

Сэдрик заставил себя сосредоточиться. Почувствовал, как холодно, – и Дар поднялся в душе жаркой волной. Но это – обычный способ согреться; что же дальше? Как узнать короля? Как его найти? Что Дару светлый государь? Каково это?

Сэдрик никогда не чувствовал ничего подобного. В храмы его не пускали, а если удавалось проскользнуть, он ощущал перед ликом Творца лишь одиночество и потерянность. Дару было всё равно. Некоторые монахи и святые наставники казались опасными, от них тянуло холодной злобой. Вероятно, если бы Сэдрику пришлось встретиться с каким-нибудь старцем святой жизни, он знал бы, каково Дару рядом с Божьим человеком. Но святых старцев он не видал никогда.

Тем более что сейчас ночь. Король – где бы он ни был – спит. И надо как-то ориентироваться в этом городе, в чужом городе, где всё непонятно.

Что же это за дома? И где у них двери?

Повозки… если такая налетит, то сомнёт и переломает, идти по дороге и попасть под такие колёса рискованнее, чем попасть под копыта лошадей. Вдоль дороги шла полоска жухлой, убитой холодом и заиндевелой травы; Сэдрик пошёл по ней – повозки, скорее всего, ездят по гладкому, ведь трава не тронута колёсами.

Он не представлял, куда идти, и побрёл куда глаза глядят.

Посыпался ледяной дождь со снегом, холод стал совсем нестерпим, Дар причинял боль, как тлеющий уголёк в замёрзшей ладони. Очень хотелось в тепло, но Сэдрик совершенно не представлял себе, где его найти.

Повозки пролетали мимо несколько раз. Сэдрик вздрагивал, слыша их шум, но – инстинктивно, ему уже не было страшно, тем более что они и впрямь ездили лишь по мощёной дороге. Пробежала собака, и Сэдрик обрадовался, когда её увидел. На перекрёстке дорог расположились маленькие домики, залитые ярким светом. Громадная светящаяся картина с крынкой молока и стопкой дымящихся оладий, приделанная прямо к крыше домика, поразила Сэдрика, но он тут же понял: это вывеска. Трактира или лавки, где продают еду.

Чародейская, но, по здешним меркам – обычная.

Богатство этого города не постигалось рассудком. Лавочник, продающий оладьи, владелец крохотного закутка – разыскал где-то чародея и сумел заплатить достаточно, чтобы тот сделал такую вывеску?

От вида нарисованных оладий рот наполнился слюной. Сэдрик вспомнил, что голоден, что голоден давно и что денег у него почти нет. А те, что есть, возьмут ли здешние торговцы? А если тут у всех – золотые монеты?

Но дорогу он перешёл и подошёл к лавочке.

Лавочник не должен его сразу гнать. И – он, конечно, не спит, иначе не жёг бы свет.

Лавочка оказалась такой же небывалой, как и всё вокруг. Она была сделана из стекла почти целиком. Через стекло Сэдрик увидел хозяйку в тёплой одежде, читающую маленькую книгу, она не подняла глаз, и Сэдрик снова поразился, на сей раз – уму лавочницы. За стеклом

на подставках лежал странный товар. Никаких оладий. Сэдрик рассматривал яркие бутылки и свёртки расписной бумаги, не в силах понять, что это такое. Из закрытых лавочек рядом тянуло чем-то смутно съестным, но свет в них не горел и никого не было.

Сэдрик сглотнул, звякнул медяками в кармане и пошёл прочь.

Он не знал языка, на котором говорили в этом городе, а если бы и знал – что он сказал бы лавочнице-книгочейке?

Уходить далеко от места, где он вошёл в город, Сэдрик не решался. Ему казалось, что король должен был жить где-то поблизости, хоть и не было кругом никакого жилища, подходящего для благого государя. Не может быть, чтобы серые стены с окнами были дворцами.

Обойдя такую стену вокруг, Сэдрик увидел в ней множество дверей, над которыми горели жёлтым светом чародейские огоньки в стеклянных шариках. На дороге, напротив дверей, стояли небольшие повозки. Сэдрик задумался, представляя себе, как разные люди выходят из повозок, идут домой… Там, за дверьми, должны быть лестницы, ведущие наверх… Одинаковые комнаты – раз окна одинаковые…

Сэдрик вдруг отчётливо понял, что ошибается: государь не может здесь жить. Не по чину ему.

Он должен жить, подумал Сэдрик, в *красивом* доме. Хотя бы – по здешним меркам.

Сэдрик побрёл разыскивать красивый дом, но дома вокруг выглядели довольно однообразно, они были неестественно высоки, напоминали коробки с окнами, и вокруг них росли деревья, нагие, без листвы: и здесь стояла зима. Весь этот мир состоял из похожих друг на друга домов, широких гладких дорог, фонарей, воющих повозок и резкого света. Было очень холодно.

Между тем неспешно наступало утро.

Город просыпался, и просыпались странные звуки. Мимо с ноющим звуком проехала неторопливая повозка с большими окнами. Внутри неё горел свет, люди стояли или сидели в креслах.

Люди появились и на улице. Они все были хорошо и тепло одеты, выглядели очень ухоженными и казались сытыми и богатыми. Шли быстро; Сэдрик пронаблюдал, как мужчина сел в маленькую повозку, она заурчала, зажглись жёлтые глаза-фонари, и повозка покатила. Сэдрика привычно не замечали, но инстинктивно обходили по дуге – и это его успокоило.

Город был чужой, Сэдрик был голоден, промок насквозь, замёрз, – пальцы на руке и на ногах совсем окоченели, – но он потихоньку начинал понимать, привыкать и приспосабливаться.

Утро превращалось в день, дождь перестал – благодарение Творцу за маленькие радости, – и людей на улицах становилось всё больше. Людей было столько, что Сэдрик растерялся. Повозки катились по дорогам сплошной чередой, рыча, отфыркиваясь дымом, и никто не мог перейти через улицу, пока на столбе не загорался зелёный фонарь с фигуркой идущего человечка. Открывались лавки. Сэдрик подошёл к удивительному месту: в доме, состоящем почти целиком из стекла, торговцы продавали немыслимые сокровища и чудеса. Сэдрик видел в окна, как сверкают золото и драгоценные камни; посуда из сияющего стекла и белой расписной глины казалась такой же драгоценной, как золото; висели рядами дорогие одежды; стояли роскошные букеты живых цветов не ко времени… Двери дома были открыты, оттуда веяло теплом. Сэдрик сделал робкий шаг, уверенный, что сейчас кто-нибудь завопит и станет гнать его назад, но никто не обратил внимания. Сэдрик вошёл в тепло.

Внутри он всё понял. Он попал на крытый базар, где торговали редкостями. Сэдрик понаблюдал за тем, как тут покупают, и понял, что его медяки не возьмут: люди давали расписные бумажки. Бумажные деньги? Или что это? Удивительно, что тут платят за золото резаной бумагой, но это, быть может, чародейские обязательства? Или долговые расписки? Как бы ни было, еды купить не удастся.

Сэдрик старался не путаться под ногами, и ему это удавалось. Если его замечали, косились с отвращением, но не гнали и не пытались бить. Сэдрик согрелся, внутреннее напряжение слегка подалось. Это был добрый город, добрый и богатый, в нём жили хорошие спокойные люди. Из-за благого государя?

Это наш государь, подумал Сэдрик с неожиданной злостью. Не может быть, чтобы всё это богатство, все чудеса появились тут за шестнадцать лет! У вас, наверное, есть свои святые! Отдайте нам наше!

Злость разбудила дремлющий Дар – и обернулись человек пять. Лица у них были такие, что Сэдрик счёл за благо поскорее ретироваться от греха подальше.

Уходить с базара на холод очень не хотелось, но делать тут было нечего. Сэдрик чуть замедлил шаги около места, где продавали еду, проглотил слюну, вздохнул и решительно направился к выходу. Просить милостыню – бессмысленно: жители счастливого города чуяли Дар Сэдрика так же отчётливо, как его соотечественники.

Шаг ничего не меняет. Все возможности остаются при тебе – на земле, под землёй и в любом из миров.

В ином месте Сэдрик попытался бы раздобыть денег или еды, но здесь не виделось никаких шансов. Ты что, жрать сюда пришёл, подумал Сэдрик раздражённо. Что ты тут бродишь и изображаешь зеваку? Глазеть на людей, разинув рот, можно было и дома! Попытайся сосредоточиться, если хоть на что-то годишься!

Новая вспышка ярости плеснула в Дар, как масло в костёр. Сам факт злости, само ощущение от неё – были восхитительны. Сэдрик понял, что он – в порядке, что крайняя степень удивления, притуплявшая чувства, уже прошла, и можно действовать. Взведённый раздражением и злостью, Сэдрик подобрался и прислушался к себе.

И заторможённая чуждостью мира интуиция наконец очнулась. Дар потянул, будто государь был полюсом, а Сэдрик – намагниченной стрелкой компаса. Надо было идти вперёд, и Сэдрик пошёл.

Город оказался невероятно огромным. Чудовищно огромным. Сэдрик подумал, что весь здешний мир, быть может, один сплошной город. Сэдрик шёл мимо диковин и чудес, настолько диковинных и чудесных, что они едва постигались разумом. Но теперь его не отвлекали здешние странности. Ощущение намагниченности то пропадало, то появлялось снова. Оттуда, из точки, куда лежал путь Сэдрика, тянуло совершенно особым теплом, фантастическим теплом, незнакомым ему, бесплотным, но абсолютным.

Именно в этом чужом городе, в момент, когда озарение очередной раз подсказало нужное направление, Сэдрик осознал, насколько в действительности силён его Дар и насколько подконтролен его рассудку. Сэдрик заставил себя идти к свету. Теперь ему хотелось увидеть свет.

* * *

Кирилл провожал Дашу домой, когда сумерки уже сгустились, но до позднего вечера было ещё далеко. Питерская «полярная ночь»: в шесть часов вечера уже по-настоящему темно, а в восемь и вовсе беспросветный мрак.

Тем более что почти весь снег выпал где-то там – на западе, на востоке, в иных палестинах. И темень выглядит особенно глухой.

В такую пору на улицах должно быть ещё многолюдно, но город казался пустынным: разъехались на каникулы, удивительно, насколько тихо. Никто даже не баловался обычной новогодней пиротехникой. Ледяная морось, что сыпалась с утра, унялась; было сыро, но довольно тепло.

Идеальный тихий вечер для романтической прогулки. Одна беда: настроение Кирилла было вовсе не романтичным.

Даше хотелось побыть с ним, а Кириллу хотелось побыть одному. Одиночество казалось желанной роскошью. Ради одиночества он отказался и от Рима, и от Египта, и от Греции. Кирилл смутно надеялся, что в Питере-то его оставят в покое хоть на некоторое время. Но Даша пришла без звонка, и прятаться за дверью было глупо.

Единственное, что пришло Кириллу в голову – пойти в кино. Даша восхитилась идеей.

С фильмом не повезло. Кирилл с отвращением грыз попкорн, с отвращением смотрел на экран и понимал, насколько нелепа ситуация: рядом девочка, влюблённая до беспамятства, и смысла в этом нет никакого.

К Даше он относился неплохо. Но это «неплохо» и рядом не лежало с тем неизбывным восторгом, который чувствовала Даша, когда Кирилл неосторожно оказался рядом.

Каждый раз, когда Даше или другой девочке удавалось завладеть вниманием Кирилла и хоть парой часов его времени, Кирилл тоскливо ощущал, что поймался. За девочками надо было ухаживать. Девочек надо было завоёвывать. Но девочки ему этого не позволяли, они рвались завоёвывать сами – Кирилл видел себя буйволом, гоняемым стаей бодрых львиц.

Он не успевал почувствовать ни симпатии, ни влечения. Не успевал ничего захотеть.

В такие минуты его внутренний барометр показывал «великую сушь». Облом граничил с полным отчаянием. Впрочем, «не успевал захотеть» было формулой, выражающей всю эту жизнь Кирилла в большинстве проявлений.

В детстве он не успевал захотеть игрушку или лакомство: родители всегда были впереди на шаг. Ребёнок, чьи прихоти взрослые спешат исполнить со всех ног, считается балованным, но Кириллу всегда казалось, что баловство – это что-то иное, к нему не относящееся: прихотей у него не было, он не умел капризничать. Кириллу только хотелось успеть пожелать чего-то раньше, чем взрослые подсунут это что-то ему под нос.

Но он не успевал. Ему не давали подумать и решить. В детском саду он горько плакал, спрятавшись куда-нибудь в уголок, чтобы не огорчить маму. В школе он мило улыбался и благодарил, ощущая великую сушь.

Отчасти поэтому Кирилл всей душой любил животных. Общаясь с ними, он успевал. Когда ему хотелось рассмотреть живого воробья – он поднимал воробья с земли, да. Любая живая тварь без страха давалась ему в руки. Но звери, по крайней мере, не пытались предугадывать желания Кирилла, не лезли к нему в любое время дня и ночи и не ловили его для того, чтобы он с ними «посидел».

Благополучие зашкаливало за все мыслимые пределы. Папин бизнес шёл так хорошо, что удивлялись его партнёры; папа улыбался и говорил: «А вот Кирюха – мой талисман». Мама выглядела молодой и влюблённой; она не ограничивалась такой лаконичной формулировкой. От бабушки хотелось бежать, как от огня, потому что бабушка считала Кирилла ребёнком индиго. Похоже, именно поэтому родители изо всех сил старались не отпускать Кирилла от себя ни на шаг.

Учителя в школе Кирилла обожали, а класс был благополучным, как в фильме о советских школьниках. Иногда Кириллу, окончательно впавшему в отчаяние, приходило в голову, что положение можно как-то изменить, и он жалким образом пытался морально разлагаться. «Я сегодня не готов», – говорил он на уроке самым нахальным тоном, на который был способен, но злобная физичка, вроде бы готовая вымотать все жилы из любого, кто осмелится филонить, расплывалась в улыбке и качала головой: «Ну, я надеюсь, что на следующем уроке ты меня не подведёшь, Кирюша». Повторить фокус на следующем уроке Кирилл не смел: он всерьёз боялся, что ситуация повторится.

Взрослые душили вниманием и любовью; в таких случаях дети обычно удирают к сверстникам, но со сверстниками Кириллу было не легче. К нему навязывались в друзья и заискивали; если бы Кирилл знал, что навязываются и заискивают из-за денег отца, было бы легче,

но причина крылась не в деньгах. В нём самом. Рядом с ним было хорошо – и тех, кому было хорошо, не интересовало, что чувствовал он сам.

Кирилл не дрался.

Чтобы подраться, он, вероятно, должен был подойти к кому-нибудь и дать ему в глаз. Но у Кирилла не хватало характера; он просыпался в холодном поту, когда ему снилось, что он так и сделал, а гопник Лось, успевший отдуть не по разу всех Кирилловых одноклассников, расплывается в идиотской улыбке и спрашивает: «Дёмин, а ты чего?»

На папу порой находил весёлый стих, и он предлагал Кириллу секцию по боксу, фехтованию, самбо, но Кирилл упорно ходил в бассейн и на лёгкую атлетику: он чувствовал, что боевые искусства могут открыть ему что-то совсем нестерпимое.

К примеру, что его не сможет ударить спарринг-партнёр.

В этом круге благополучия было что-то мучительное, как духота. И напряжение нарастало, нарастало, ничем не разрешаясь, отвлекая от весёлых пустяков, отвлекая от планов на будущее, отвлекая от девочек, приятелей и подготовки к ЕГЭ.

Влюблённость Даши оказалась последней каплей. Кирилл провожал её домой, слушал её нежный щебет – о фильме, о каникулах, о каких-то книгах, тряпках, духах, о том, что она не поехала с мамой в Турцию, потому что Кирилл тоже никуда не поехал, – и безнадёжно ждал, что вот-вот грянут громы небесные.

Должны были грянуть, наконец. Предчувствие было так сильно, что Кириллу казалось: воздух сгустился от духоты до удушья.

И грянуло.

Даша вдруг нервно обернулась раз, другой – и сказала:

– На нас смотрят.

Её хорошенькое личико перекосилось от гадливости, а Кирилл устыдился собственных неожиданных и приятных ощущений по этому случаю.

Он тоже обернулся – и увидел в сумерках, шагах в десяти, высокую тощую фигуру. Разглядеть подробности не вышло, но очевидно же было, что этот, следящий издали, не взрослый мужик, а парень плюс-минус их с Дашей возраста. Смотрит? Как интересно: с чего бы это он?

Как здорово, если это Дашин тайный воздыхатель, подумал Кирилл, а вслух сказал:

– Фигня какая-то.

Но в глазах Даши отчётливо отразились омерзение и ужас.

– Это маньяк, – сказала она вдруг севшим голосом. – Насильник. Или убийца, – и передёрнулась.

Её тон не допускал возражений. Кирилл снова обернулся.

Красноватый отсвет из окна или от фонаря обрисовал фигуру «маньяка», подошедшего поближе. И Кирилл понял, что всё не так просто.

Парень, следивший за ними, был чудовищно худ: куртка из чего-то вроде истрёпанного и грязного брезента и штаны, доношенные до последней степени, до бахромы внизу и сеточки на коленях, болтались на нём, как на вешалке. Вдобавок Кириллу показалось, что левый рукав куртки парня пуст. Обут незнакомец был в ботинки на босу ногу, разбитые до такой степени, что на одном из них отходила подмётка, открывая голые пальцы парня, если он делал шаг. Но не в одежде дело, хотя рядом с владельцем такого костюма любой бомж показался бы щеголеватым. Киралла потрясло его лицо, наполовину скрытое длинными и грязными тёмными волосами.

Бледную, острую, асимметричную физиономию покрывали шрамы такого свойства, будто парень попал в автомобильную катастрофу, причём – недавно. Длинный нос ломали по крайней мере в двух местах. Рваный шрам, относительно заживший, тянулся от виска к углу губ. Второй, более свежий, рассекал бровь. А взгляд незнакомца, напряжённый, злой и цепкий, показался Кириллу совершенно безумным. И смотрел он не на Дашу, а на него, Кирилла.

И всё это в целом было так прекрасно, что Кирилл вдруг проникся к незнакомцу невероятной иррациональной симпатией. Дружище, подумал он умилённо, ты, похоже, меня не любишь. Хочешь мне морду набить, а? Или, может, даже пырнуть меня ножом? Да попробуй, милости прошу! Наконец-то на кого-то не действует этот дурной гипноз!

Даша вцепилась в руку Кирилла крепко и надёжно, как каракатица в добычу.

– Я не могу тут больше торчать, – зашипела в самое ухо. – Меня сейчас вырвет от этого бомжа, он маньяк! Пойдём!

Кирилл с трудом поборол порыв кинуться к бомжу с улыбкой и какой-нибудь вежливой глупостью: «Здравствуйте, мы знакомы?» – вздохнул и побрёл к Дашиной парадной. Он не сомневался, что незнакомец отстанет, и заранее страшно огорчился – но почувствовал спиной неотступный взгляд парня, тяжёлый и жаркий.

Мне сейчас должно быть, подумал Кирилл, противно и страшно. Но это – экстремальная ситуация, это, чёрт подери, экстремальная ситуация, связанная не с горными лыжами, а с живым человеком! Я одурел, но это божественно! Этот псих зол на меня, как будто я нормальный.

У двери подъезда Даша замешкалась.

– Зайдёшь ко мне? – спросила она с надеждой, быстро взглянув Кириллу за плечо. Там торчал бомж, излучая испепеляющее недоброжелательство.

– Нет, прости, – сказал Кирилл, чувствуя себя так, будто собирался удрать от Даши на свидание с очень колоритной девицей, способной на многое. – Я маме обещал прийти пораньше, – соврал он блеющим тоном, в глубине души надеясь на вспышку раздражения и брошенное: «Ну и маменькин сынок!»

– А… жаль, – огорчённо протянула Даша. Кирилл ощутил очередной укол разочарования. – Но не уходи, пока я в лифт не войду.

– Я подожду, – кивнул Кирилл рассеянно. – Посмотрю, чтобы никто не вошёл за тобой.

Он ждал, когда Даша наконец уйдёт. Она уйдёт – и случится чудесное и соблазнительное! Драка! Выяснение отношений! Что-то такое чистое, человеческое и живое, чего душа Кирилла жаждала с невероятной силой уже много лет!

Только бы этот бродяга не плюнул и не ушёл, пока Даша изливает на прощанье свою любовь и ласку, подумал Кирилл и вымученно улыбнулся. Даша поцеловала его в щёку и вспорхнула по лестнице, ни на секунду не забывая, что Кирилл смотрит и что надо двигаться изящно и легко.

Звук, с которым за Дашей закрылись двери лифта, прозвучал для Кирилла, как ангельская музыка. Он с наслаждением повернулся и пошёл к бомжу, который честно дожидался, когда девушка удалится и можно будет, наконец, СДЕЛАТЬ ЭТО! Врезать Кириллу по шее! Воткнуть в него нож! Или что там ещё вызрело в этой больной душе!

– Здравствуйте! – вырвалось у Кирилла само собой, а рот расплылся в той самой дурацкой улыбочке, какую он постоянно видел на чужих лицах. – Мы знакомы? – спросил он, наслаждаясь редкой ненормальностью ситуации.

И бомж не обманул ожиданий. Он оказался настоящим психом, патентованным, со справкой из дурдома, потому что ни один нормальный человек не повёл бы себя таким образом.

Сделав два шага Кириллу навстречу, ненормальный бухнулся перед ним на колени, прямо в стылую грязь, но смотрел снизу вверх, Кириллу в лицо, прямым, тяжёлым, странным взглядом, в котором читались насторожённость, мрачные подозрения и что-то здорово похожее на ненависть. Глаза бомжа вблизи, в свете лампы над подъездом, оказались светло-карими, почти жёлтыми, и от взгляда по спине Кирилла пробежал озноб.

– Здравствуй, король, – хрипло сказал бомж. – Я за тобой пришёл.

Ух ты ж, подумал Кирилл, у которого спёрло дыхание.

– Встань с земли, – сказал он почти так же хрипло. – Почему – «король» и что значит «пришёл за тобой»?

Бомж поднялся с колен. Кирилл убедился: у него и впрямь одна рука. На второй как минимум нет кисти. Глядя Кириллу в глаза, однорукий выдал:

– Искал тебя весь день. Всё – правда: ты светишься и на тебе милость Божья, все знаки. Хорошо тут живёшь, а, король?

Ага, подумал Кирилл, парень-то – сектант! Промытые мозги, не выдержал обработки, может, и накачивали чем-то дурманящим… При таком раскладе – понятно, что с рукой и лицом.

Чувство опасности почему-то отступило, появилось жгучее любопытство. Обезумевших сектантов Кирилл не видел никогда. В круг благополучия, в центре которого Кирилл обитал с детства, всякого рода несчастные, увечные и изгои просто не попадали – в лучшем случае они мелькали где-то на периферии, исчезая в тот момент, когда Кирилл обращал на них внимание.

– Как тебя зовут? – спросил Кирилл тоном психиатра из «Шестого чувства».

– Сэдрик, – сказал однорукий. – А тебя – Эральд, ты в курсе, король? Или тут тебя зовут иначе?

Сэдрика слега потряхивало. Кирилл, глядя, как дрожат его пальцы, сперва подумал, что это – чертовское нервное напряжение, но тут же сообразил: да холодно же ему! Он при минусовой температуре – в драной брезентовой ветровке и почти босой.

Люди – скоты, подумал Кирилл. И я с ними заодно. По улице бродит несчастный псих, одетый в лохмотья, калека, наверняка простужен – хорошо, если не воспаление лёгких. Судя по состоянию одежды, бродит давно, очевидно, голоден. И никому нет дела. Можно упасть на асфальт и подохнуть – никому ты не нужен, Сэдрик, бедолага.

– Ну хорошо, – сказал Кирилл, улыбаясь. – Я, король Эральд, сейчас пойду в свою резиденцию, а ты – со мной. Поговорим по дороге.

Тащить домой грязного, оборванного и сумасшедшего бомжа было не меньшим безумием, чем называть себя королём Эральдом. Кроме прочего, Сэдрик мог оказаться вором, сумасшедшим и убийцей. Но круг душного благополучия так хотелось разорвать хоть чем-нибудь, а парень, не пытающийся с ходу понравиться и навязаться в приятели, вызывал такую симпатию и жалость, что Кирилл не обратил внимания на голос здравого смысла.

Сэдрик несколько мгновений стоял и испытывающе смотрел на него. Потом спросил:

– Ты серьёзно, государь?

– Серьёзно, – кивнул Кирилл и сделал серьёзное лицо. – Мы пойдём, а ты мне по дороге расскажешь всё это интересное по порядку, да? Про божью милость, про знаки… что это за знаки?

– Ты светишься, – снова сказал Сэдрик, направляясь следом за Кириллом. – Ты далеко светишься, сильно. Дар тебя чувствует миль за десять. Но ты ведь не знаешь… – перебил он сам себя, и это прозвучало странным образом здраво. Сэдрик будто размышлял, как донести до Кирилла свою безумную теорию, чтобы быть с гарантией понятым. У Кирилла не было опыта общения с психами, но, после фильмов и книг, ему казалось, что понимание окружающих должно казаться шизофренику само собой разумеющимся.

– Объясняй, – сказал Кирилл. – Не торопись.

Сэдрик думал. Тень ненависти исчезла с его изуродованного лица, сменилась каким-то даже мрачным расположением.

– Знаки милости Божьей, – сказал он медленно, наблюдая за Кириллом, будто пытаясь отследить уровень его понимания или доверия. – Руки целителя, вера тварей лесных и полевых, носимая благодать, женская любовь и слух, склоняющийся к подданным. Всё есть, да?

Сердце Кирилла стукнуло, его бросило из жара в озноб.

– Не знаю, – пробормотал он внезапно севшим голосом. – Как это?

– Это была твоя метресса, король? – спросил Сэдрик, кивая в сторону дома Даши. – Подруга? Женская любовь. Издалека видно. Тепло рядом с тобой: носимая благодать. Наверное, и исцеляешь наложением рук. Но главное – ты меня понимаешь. Я – твой подданный. Законный. Ты меня понимаешь, хоть языка и не знаешь.

Кирилл остановился. Он вдруг услышал речь Сэдрика – совершенно не русские, незнакомо звучащие слова. Но главный ужас заключался в том, что эти незнакомо звучащие слова были у Кирилла в крови, дремали там, не замеченные до последней минуты. Он не просто понимал этот язык – он начал думать на этом языке.

Более того: он на нём говорил. С Сэдриком. Не думая ни секунды, обратился к нему именно на этом языке, так естественно, что даже не заметил перехода. Это был такой жуткий бред, что Кирилл усомнился в собственном рассудке.

На хмурой физиономии Сэдрика появилась тень улыбки.

– Слава Всевышнему, король, – сказал он. – Не совсем ты дурачок, хоть и осенён благодатью. Соображаешь, хоть и медленно.

* * *

Мир Кирилла дал трещину, но это почему-то не казалось ни страшным, ни диким, наоборот. Великая сушь у Кирилла в душе наконец сменилась чем-то другим, чем-то живым, что ли…

Сэдрик сидел на кухне в «королевской резиденции» и смотрел в свою тарелку. Зрелище явно не нравилось Сэдрику, но интересовало, как всё вокруг. Цепкий взгляд Сэдрика уже не казался Кириллу безумным: это был взгляд человека, пытающегося как-то освоиться в крайне необычной для себя обстановке. Кириллов новый знакомый, подданный или вассал, похоже, был наблюдателен и вовсе не глуп.

И очень странен.

Ситуацию, наверное, надо было проассоциировать с дешёвыми фэнтезийными книжками, в которых герой оказывается избранным и отправляется куда-то в иной мир, побеждать драконов, орков, тёмные силы – кого там ещё? – чтобы в конце концов жениться на принцессе. «Ты король, – сказали Кириллу тоном, не терпящим возражений. – На тебе Божье благословение». Обдумав всё это, Кирилл сделал вывод, что он – вполне избранный, что он родом из другого мира, что меч и магия ему обеспечены, а может, и принцесса где-нибудь там уже готова замуж и будет вести себя, как Даша. И от этих мыслей ему было бы изрядно нехорошо, если бы не Сэдрик.

Потому что не тянул он на наставника, проводника или вестника из классического сюжета. И о «прокачке», пользуясь терминами компьютерных игрушек, речь не шла. Сэдрик вообще не впихивался в книжный стандарт.

– Тебя надо вымыть и переодеть, – сказал Кирилл, когда они вошли в квартиру. Очень им обоим повезло, что родители Кирилла – приёмные? – уехали за город, в гости к партнёру отца, и не должны были вернуться раньше завтрашнего вечера. Мама не пережила бы в своей ухоженной прихожей такого страшилища, как Сэдрик – в жутких башмаках, оставляющих на паркете мокрые и грязные следы.

Сиамская кошка Клеопатра, попросту – Клёпа, вышедшая в коридор взглянуть на гостя, остановилась в дверях кухни и там молча Сэдрика не одобряла. Сэдрик её не заметил – он заметил грязь на сияющем паркете и стаскивал с ног башмаки.

– Брось здесь, – сказал Кирилл. – Их выкинуть надо, тебе новые нужны.

– Ага, с золотыми подковками, – усмехнулся Сэдрик. – Нет у меня ничего – только то, что на мне.

– Мы одного роста, – сказал Кирилл. – Я найду, во что тебя одеть – и обуть, я думаю. Снимай это тряпьё тоже.

– Не носил костюмов с плеча государя… – заметил Сэдрик со скептическим смешком, но принялся раздеваться. В прихожей. Это казалось Кириллу диким ровно столько времени, сколько понадобилось, чтобы понять: Сэдрик пытается соответствовать обстановке, следуя его, Кирилла, указаниям.

Потому что, с его точки зрения, Кирилл знает этот мир. И Кирилл – его король. Неважно, насколько последнее соответствует объективной реальности.

И Кирилл получил кое-какую специфическую информацию, на переваривание которой понадобилось время.

Сэдрик был худ и грязен, но его кожа выглядела не так, как полагалось бы коже бомжа, который должен бы страдать чесоткой, педикулёзом и прочей дрянью. Здоровая кожа под слоем грязи и задрызганным рубищем выглядела странно, будто Сэдрик лишь притворялся бомжем или оказался в таком положении недавно, ещё не успев запаршиветь.

Левая рука Сэдрика не была ампутирована. Его кисть и нижняя часть предплечья, похоже, отсутствовали с рождения: рука кончалась чуть ниже локтя торчащей острой костью, обтянутой кожей, и была покрыта множеством коротких шрамов, как рука истеричного кандидата в самоубийцы, тысячу раз пытавшегося напоказ покончить с собой, надрезая кожу бритвой. Шрамов на Сэдрике хватало и без того, но именно эти поразили Кирилла какой-то неуместностью, что ли. Нелепостью.

– А какой ещё смысл в этом обрубке? – Сэдрик дёрнул плечом, поймав взгляд. – Только кровь. Очень удобно, – и показал, что именно удобно: изобразил здоровой рукой движение лезвия по увечной.

Кирилл утвердился в мысли, что Сэдрик резал себе изуродованную руку сам, без всяких истерик: ему нужна была собственная кровь, и это почему-то вписывалось в общую картину.

Кроме шрамов и чудовищной худобы, внимание привлекало чёрное и мохнатое родимое пятно, до ужаса похожее на паука, диаметром с циферблат мужских наручных часов, между ключицей и левым соском. Оно каким-то образом тоже вписывалось в общую картину. Кирилл не мог только объяснить себе, чем.

А Сэдрик дал себя рассмотреть. Кириллу даже пришло в голову, что он выставляет себя напоказ с некоторым умыслом, – и Сэдрик это тут же подтвердил.

– Ага, – сказал он. – Это твоё благословение срикошетило по мне. Я проклятый, – и коснулся здоровой рукой чёрной мохнатой родинки. – Хорошо, что не на роже, иначе не разговаривали бы мы с тобой, государь. Под одеждой клейма не видно.

– Клеймо? – удивился Кирилл, и Сэдрик кратко пояснил:

– Ада.

– А почему моё благословение срикошетило по тебе? – спросил Кирилл, чувствуя иррациональную вину. Они отражались в огромном зеркале прихожей – и контраст был разителен до боли. Два чудовищно разных парня одного роста и возраста. – При чём тут ты?

– А я родился в тот момент, когда мой папаша, старый пёс, посылал адских гончих, чтобы скормить им тебя, государь, – сказал Сэдрик. – Погано звучит, но – что делать, это правда. Врать тебе я не могу и скрывать не хочу. Не смотри так, король. Гад был папаша, что есть, то есть, но ты учти: заставили его. Считай, что силой.

– Не подумай, что я тебя обвиняю, – поспешно сказал Кирилл и открыл дверь в ванную. – Смотри: вот так пускают воду… горячую… холодную… душ – это сверху… или массаж – вот отсюда и отсюда. Делай, как хочешь. Вот мыло, а этим моют голову. Вот полотенце. Всё запомнил?

– Обалдеть… – протянул Сэдрик восхищённо, открыв кран и подставляя ладонь под струю горячей воды. – Ты живёшь дивно, король. Я не знаю… обалдеть, как ты живёшь. Эта вода… её греют где-нибудь, да? Слуги?

– Не бери в голову, – сказал Кирилл, борясь с сотней противоречивых чувств. – Греют, но не здесь, далеко, да и не мои слуги… Неважно. Пустяк это. Ничего не стоит. Отмывайся.

– Пустяк… – медленно повторил Сэдрик. – Ага. Хорошо. Я понял.

– Поговорим потом, – сказал Кирилл и вышел из ванной.

Он принёс мусорный пакет и хотел засунуть туда чудовищное вонючее тряпьё Сэдрика, эту куртку из пропитанного по́том, дождевой водой и грязью брезента и сношенные до дыр штаны, – никакого белья у Сэдрика не было, – но что-то тяжёлое в карманах потянуло руку вниз.

Кирилл, чувствуя некоторую неловкость, вывернул карманы куртки. Из них выпало несколько тяжеленных, антикварного вида, медяков, почерневшая серебряная монета и какая-то странная вещица, смысл которой Кирилл не определил сразу.

Кирилл подобрал всё это с пола – и догадался о смысле вещицы. Крохотный – длина клинка сантиметров десять, не больше, а то и меньше – нож с рукоятью из пожелтевшей кости, вытертой до глянца прикосновениями, в потёртых кожаных ножнах. Кирилл потянул его из ножен, увидел бритвенно острое обсидиановое лезвие и ощутил такую смесь жути и гадливости, что тут же положил и нож, и деньги на полку у зеркала.

Этот нож очень многое ему объяснил.

Чувствуя себя кем угодно, но уж не избранным и не королём, Кирилл отправился к себе в комнату, чтобы поискать одежду для Сэдрика.

И когда минут через сорок Сэдрик, в чёрном «гамлетовском» свитере и джинсах, с отмытыми волосами, вороными, как у индейца, со своим обсидиановым ножом в новом кармане, сидел в кухне и рассматривал стейк в своей тарелке, Кирилл ощущал это так, будто пытался принять на высшем уровне важного гостя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.